

2. ПИСЬМО ИЗ АЛЕКСЕЕВСКОГО РАВЕЛИНА (1864 г.)

Публикация Г. Ф. Коган

Утром 20 июля 1864 г. комендант Петропавловской крепости генерал-лейтенант Сорокин предъявил для опознания заключенному в Алексеевском равелине «государственному преступнику» Николаю Александровичу Серно-Соловьевичу копию его письма. Письмо имело конспиративный характер. На это указывало его содержание, а также и то, что в нем не были обозначены ни адрес, ни имя адресата в обращении, ни подпись писавшего.

О результатах произведенного допроса комендант тотчас же сообщил начальству в следующем донесении (ЦГИАМ, ф. 109, оп. 1, д. 252, л. 9): «Г-н Серно-Соловьевич был мною лично опрошен, чрез кого и когда передано им письмо, и отвечал, что время не помнит, а передано тайно при свидании брату — Владимиру Серно-Соловьевичу. Причем был весьма смущен. А. С о р о к и н. 20 июля 1864 г.».

К донесению было приложено собственноручно написанное объяснение Серно-Соловьевича, помеченное тем же 20 июля. Серно-Соловьевич признался, что предъявленное ему письмо действительно написано им и передано на волю тайно. Был назван и адресат письма, хотя и с некоторой неопределенностью: «Это, должно быть, письмо к моему брату», — заявил Серно-Соловьевич, имея в виду брата Александра, выдающегося революционера, уехавшего в 1862 г. за границу и ставшего там одним из виднейших деятелей «молодой эмиграции» (там же, л. 10).

В дополнение к своему объяснению и будто бы для уточнения его Серно-Соловьевич просил коменданта сообщить ему «подлинник означенного письма»: «... дабы я мог вспомнить содержание его, так как по беглому взгляду, брошенному на него в присутствии вашего превосходительства, я решительно не в состоянии отдать себе о нем отчета» (там же, л. 10—10 об.).

Возможно, что просьба Николая Серно-Соловьевича преследовала определенную цель: ему важно было узнать, действительно ли власти располагают подлинником письма, или в их распоряжении находится только перлюстрационная копия. В последнем случае можно было бы предполагать, что письмо, текст которого был перехвачен «совершенно частным образом», было отправлено по назначению. Знать все это, разумеется, было существенно для Серно-Соловьевича.

Из материалов III Отделения не видно, была ли удовлетворена просьба заключенного. Но она могла быть удовлетворена, так как в распоряжение органов политического розыска попал подлинник письма. Судьба этого подлинника неизвестна, до нас дошла лишь копия с документа. Об этом мы узнаем из памятной записки, составленной, вероятно, для шефа жандармов и начальника III Отделения кн. В. А. Долгорукова:

С о в е р ш е н н о с е к р е т н о

Совершенно частным образом представилась возможность достать письма, отправляемые за границу к жене полковника Шелгунова под адресом:

Suisse. Zürich,
Herrn Brandenberger,
Im Wyifgässle, Niederdorf, № 552.

Письма эти представляются в подлиннике; по содержанию и сличению рук первое должно быть от арестованного в Алексеевском равелине надворного советника Николая Серно-Соловьевича, а второе — по предположению, от бывшего начальника на Казаковском приiske корпуса горных инженеров поручика Михайлова, ныне преданного военному суду.

письмо которого при сем представляется, прошлого года был употребляем мною по некоторым секретным поручениям и исполнял их очень добросовестно и с успехом; между прочим, он перехватил очень ловко переписку содержащегося в Алексеевском равелине политического преступника Серно-Соловьевича и открыл переписку из-за границы жены известного полковника Шелгунова (по обоим этим случаям сделаны были в свое время надлежащие распоряжения)» (ЦГИАМ, ф. 109, оп. 3, д. 619, л. 1).

В приложенном к донесению письме (на имя некоего Николая Дмитриевича) Попов, ходатайствуя о снабжении его и впредь денежными средствами *«нужными для успеха дела»*, ссылается при этом не только на свои «прежние заслуги», но и на свою «деятельность» уже в Иркутске. Расшифровывая эти свои новые заслуги перед органами политического розыска, Попов сообщает «о лично дознанной» им конспиративной переписке сибирских «сепаратистов, бывших студентов С.-Петербургского университета — Григория Потанина в Томске, Николая Ядринцева в Омске, Серафима Шашкова в Красноярске и Николая Наумова, собиравшегося из Петербурга в Тобольск». О переписке этой Попов сообщил генерал-губернатору Восточной Сибири М. С. Корсакову. Она была отослана в Петербург и послужила одним из основных вещественных доказательств в «Деле о сибирском сепаратизме» или «Деле о злонамеренных действиях некоторых молодых людей, стремившихся к испровержению существующего в Сибири порядка управления и к отделению ее от империи».

Таким образом, Попов предстает перед нами как довольно крупная фигура в секретной агентуре III Отделения, созданной в шестидесятые годы.

Каким же путем Попов проник в среду демократических кружков Петербурга, оппозиционно и революционно настроенных, и сумел завоевать здесь доверие к себе?

Материалы III Отделения дают ответ и на этот вопрос.

Попов был введен в кружки лиц, связанных с революционерами, своим земляком и приятелем — иркутским купцом Николаем Николаевичем Пестеревым. О своеобразной, яркой личности этого человека и о его причастности к некоторым конспиративным замыслам и делам русских революционеров рассказано в недавней работе В. Н. Шульгина «Из истории поздних связей Герцена и Огарева с Россией» («Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 311—338).

Когда в 1866 г. Пестеревым заинтересовалась Следственная комиссия по делу Каракозова и Пестерев оказался привлеченным к дознанию, у него было изъято много обращенных к нему писем. Они сохранились в делах III Отделения и свидетельствуют, что Попов был знаком со многими «передовыми, прогрессивными личностями», с которыми его свел Пестерев. Так, в одном из писем Попова к Пестереву имеется следующая приписка: «Кланяюсь Зайцевым, Маркеловой, княжне <Макуловой>, Ковалевскому и Львову с его супругницей, Якушкину и студентам-сибирякам мой привет» (ЦГИАМ, ф. 95, оп. 2, д. 219, л. 124). Здесь названы имена людей, с которыми, как это видно из показаний Пестерева Следственной комиссии, он познакомился в первые же дни по приезде в Петербург весной 1864 г. (В. Н. Шульгин. Указ. соч. — «Лит. наследство», т. 63, стр. 321—322). Особенно сблизился Пестерев в это время с семейством известного критика и публициста В. А. Зайцева, с его матерью и сестрой Варварой Александровной, видной участницей революционно-демократического движения шестидесятых годов.

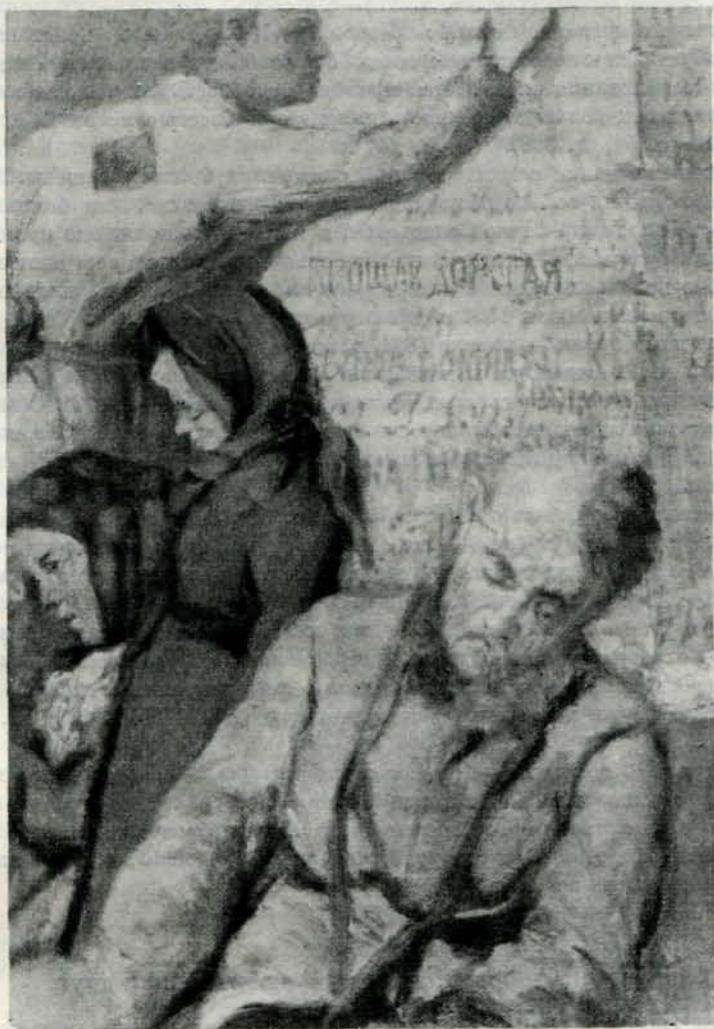
В одном из показаний Пестерева о его петербургских знакомых читаем: «11 апреля <1864 г.> я прибыл в С.-Петербург и остановился в Старой Конюшенной в гостинице Волкова. Туда приезжали ко мне по несколько раз Попов и жена моего старого знакомого г. Плотникова, хлопоча, как бы уехать домой в Иркутск. В это же время я вошел в семейство Зайцевых...» (ЦГИАМ, ф. 95, оп. 1, д. 302, ч. IV, л. 208).

В доме Зайцевых Пестерев познакомился с матерью и сестрой Л. П. Шелгуновой, которые просили своего нового знакомого, зная о его предстоящей в ближайшие дни поездке за границу, «отвезти» Шелгуновой, находившейся тогда в Швейцарии, ее старую кухарку, на что Пестерев согласился (там же, л. 211—211 об.).

Не приходится сомневаться, в соответствии со всем тем, что мы теперь знаем об утаенных целях поездки Пестерева в мае 1864 г. за границу, что, отправляясь туда

для определенных переговоров с деятелями русской революционной эмиграции, Пестерев, помимо сопровождения кухарки для Шелгуновой, «согласился» выполнить ряд конспиративных поручений из Петербурга.

Пестерев пробыл за границей недолго. Он виделся в Швейцарии с Александром Серно-Соловьевичем, Л. П. Шелгуновой, Николаем Утиным, В. И. Касаткиным,

«ПРОЩАНИЕ С ЕВРОПОЙ»

Картина маслом польского художника А. Сохачевского, 1883—1887 гг.
Фрагмент

Исторический музей, Варшава

вместе с А. А. Черкесовым ездил в Лондон к Герцену, на обратном пути заезжал в Париж, где встречался с В. Ф. Лугининым, и снова в Швейцарию, к русским эмигрантам.

В июне Пестерев вернулся в Петербург. Среди поручений, вывезенных Пестеревым из-за границы, было одно частное, исходившее от Александра Серно-Соловьевича. Он просил Пестерева по приезду в Петербург «войти в ближайшее положение» книжного магазина братьев Серно-Соловьевичей. В связи с арестом Николая и эмиграцией

Александра, предприятие это — единственный источник существования семьи — находилось в катастрофическом положении. Заведовал магазином Рихтер. По желанию Александра Серно-Соловьевича Пестерев по возвращении из-за границы виделся с Рихтером, который «просил принять от него магазин». Пестерев советовался по этому поводу с В. О. Ковалевским. Решено было, что «дальнейшее ведение дела всего лучше поручить Зайцевым, матери с дочерью, так как они знакомы с литературным кружком и самым делом» (там же, л. 174—174 об.).

Положение с магазином сильно тревожило и Николая Серно-Соловьевича. 5 июня 1864 г. он обратился к коменданту крепости с просьбой разрешить ему свидание с Рихтером. «В этом свидании оказывается крайняя надобность для разъяснения денежных расчетов, имеющих большую важность для матери и всего семейства Серно-Соловьевича» (д. 230, ч. 54, л. 302).

С 23 июня свидания с Рихтером при свидетелях были разрешены. В доме Зайцевых, где, очевидно, горячо обсуждался вопрос о магазине, где бывали и Рихтер, и Пестерев, и Владимир Серно-Соловьевич, и могло быть похищено проникшим в их среду Поповым тюремное письмо Николая Серно-Соловьевича, переданное через Владимира Серно-Соловьевича или Рихтера (его имя могло быть умышленно не названо в показании) в начале июля 1864 г. для отправки за границу.

Как раз в это время — в июле 1864 г., как сообщает Пестерев, — В. А. Зайцева, преследуемая своим отцом, не выдававшим ей паспорта, вступила в фиктивный брак с кн. Голицыным и готовилась выехать за границу (там же, л. 179). С этой okazji, нужно думать, и предполагалось переслать письмо Николая Серно-Соловьевича. Ловкий агент, введенный в дом Зайцевых ничего не подозревавшим Пестеревым, пресек этот замысел.

Почти столетие пролежало в архиве III Отделения послание из Алексеевского равелина к «любимейшему другу» — еще одно замечательное свидетельство о мужестве, твердости убеждений и преданности революционному делу «благороднейшего, чистейшего Николая Серно-Соловьевича» (Герцен).

Текст документа публикуется по копии, предъявлявшейся для опознания Николаю Серно-Соловьевичу комендантом Петропавловской крепости. Пояснительные слова к отдельным местам текста, помещенные внизу страницы, сделаны в III Отделении, вероятно, уже после опроса заключенного (ЦГИАМ, ф. 109, оп. 1, д. 252, лл. 2—8 об.).

Публикуемый документ — выдающегося интереса — второе известное нам теперь конспиративное письмо Николая Серно-Соловьевича, переданное на волю из Алексеевского равелина. Первое, недавно найденное в бумагах «пражской коллекции» и опубликованное в т. 62 «Литературного наследства», дошло по назначению. Судьба второго сложилась по-другому.

Бесценный, дорогой, навсегда любимейший друг.

Сегодня твое рождение! Все, что могу подарить, — несколько задуманных строк¹. Желая, чтоб они вышли крепительны. Нам надо стойкости, обстоятельства лягут изо всех сил. Зато, кто из нас не ляжет под ними, тот порядком закалится. На днях магазин должен лопнуть. Вся семья останется почти не при чем и без всяких ресурсов к приобретению. Я, без сомнения, понтирую в каторгу! Но во мне с несчастиями растут силы переносить их, что будет дальше, не знаю; но до сих пор якорь крепок, хоть волны и бьют корабль со стороны на сторону. Заметь это сравнение. Ровно год назад я говорил в стихах: «Весь год меня в тюрьме морили, разбили бедную семью, чего могли — всего лишили, — а тверд я, как утес, стою». Теперь сравнение с утесом было бы хвастовством. Утверждающим независимость духа от материи я советовал бы проверить свою теорию в одиночном заключении. Развращающее влияние тюрьмы именно в том, что развитие организма поставлено в ненормальные условия.

Теперь о своем положении. Вероятно, до тебя дойдут слухи (как дошли до меня), что я сильно повредил себе рукоприкладством⁵. Убедительно прошу тебя, не обращай на них никакого внимания. Это или глубокомысленные соображения доморощенных юристов или, вернее, намеренно распускаемые слухи для придания благовидности приговору. Взвесь рассудительно массу следующих обстоятельств: меня и Ч.* арестуют по высочайшему повелению, вследствие доклада, что взяты письма «явно доказывающие намерение нарушить общественное спокойствие»⁶. Ч. до такой степени невозможно было обвинить по письмам, что его отделили от общего дела и доконали другим путем. Я при следствии отверг все до одного обвинения — меня поставили во главе. Сенату велено было определить, кого выпустить из крепости, кого оставить — меня оставили⁷. Всевозможные искажения были сделаны. Дело, видимо, медлили решать. Письмам совершенно превратно придано значение приглашения к возмущению. В одном сказано, между прочим: «Вам нельзя рисковать собой, ваша гибель будет иметь страшно вредные последствия для общего дела»⁸. Судья — Пинский, делопроизводитель — Кузнецов⁹. При начале рукоприкладства — комендант говорит мне: «Если вас оставили в крепости, значит оправдаться невозможно; рукоприкладство только повредит, я говорю по бывшим примерам»¹⁰. Указ, предававший суду, обвинял в государственном преступлении, очевидно, на 10 шансов не могло быть ни 1 в пользу оправдания. Как же тут помочь или повредить себе? Но я был в таком настроении, что хотел защищаться, получив накануне весть о расстройстве денежных дел. Что защита была хороша, — я видел из всего. Меня старались поймать на словах, искажали смысл. Пинский сказал: «После словесного показания я считал, что дело у меня вот (сжав кулак) — а теперь мы в прежней неизвестности»¹⁰. Я требовал, чтоб ко мне применили указ, обещавший снисхождение признавшимся, обнаружившим раскаяние и содействующим обнаружению злоумышленников, доказывая, что подхожу не под букву, а под дух¹¹: они составили журнал, что во всех моих ответах «не оказалось ни признания, ни раскаяния». Наконец, я до конца стоял на том, что невинен во всем. Правда, был другой способ защиты: прямо и косвенно свалить все на Сашу***¹². Но это я считал слишком подлым. Желание очистить его было одним из соображений, почему я объяснил свое знакомство с Г****. Подлые пути всегда ложны. Их выгоды мнимые, в сущности, за них всегда получаешь наказание. Ибо 1) он может быть принужден обстоятельствами вернуться, 2) могли постановить не решать дело до его возвращения, сколько тогда трансов и томлений, 3) могли все-таки обвинить и набросить страшную тень на репутацию, 4) главное, что для самого себя это послужило бы источником упреков и нарушило мир с самим собой, что я считаю безусловно высшим из благ. Моя система защиты основывалась на следующем. Я сказал себе: меня доконали во что бы ни стало. Ясно, что дело пошло на то, чтоб истребить всех сколько-нибудь известных людей противоположного лагеря, и в этом направлении III Отделение, Сенат, Государственный совет действуют, как один человек. Но против этого в самом праве есть оппозиция, и я успел заметить, что между обеими партиями страшная вражда. С другой стороны, само дело при сколько-нибудь добросовестном разборе не представляет никаких матерьялов к обвинению. Потому я разъяснял это обстоятельство, рассчитывая выпутать таким образом всех только прикосновенных и вместе доказывая несостоятельность всей системы. Попа-

* Чернышевский. — Прим. III Отделения.

** Подчеркнуто красным карандашом в III Отделении.

*** Брат его Александр, находящийся за границу. — Прим. III Отделения.

**** Герцен. — Прим. III Отделения.

дись все мое писанье в руки одному порядочному человеку,— оборот всего дела мог быть иной. Но, очевидно, все заодно. А потому всякие усилия бесплодны. Какие результаты дало знаменитое тверское рукоприкладство? Осуждение¹³. Прощение было уже независимо от судебного хода. Есть заветная фраза «по уликам и обстоятельствам дела», которую можно повесить законным порядком кого угодно. Забыл привести, между прочим, слова Пинского: «Вы желаете своими ответами свалить ответственность на Сенат,— но мы свалили ее на вас», значит, толковать об этом нечего. Надо по возможности устранить нелепые толки. И кто же из читавших дело может высказать такое мнение, имея в виду мою пользу?

[illegible]

Tras la tarde en el granero, donde se encuentra
un poco de trigo y de maíz, y de la
granja, y de la granja, y de la granja,
y de la granja, y de la granja, y de la granja,
y de la granja, y de la granja, y de la granja,

[illegible]

Orthocentrus kadioponensis Collette and
Furness - Opus. Ichthyology

June 21 - 7 Aug 1864

1. *Phyllophaga*
 2. *Phyllophaga*
 3. *Phyllophaga*
 4. *Phyllophaga*
 5. *Phyllophaga*
 6. *Phyllophaga*

ОБЪЯСНЕНИЕ, НАПИСАННОЕ Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧЕМ ПО ПОВОДУ
ПЕРЕХВАЧЕННОГО ПИСЬМА ЕГО К БРАТУ АЛЕКСАНДРУ, 20 ИЮЛЯ 1864 г.

Автограф

Адресовано коменданту Петропавловской крепости Сорокину.

Центральный исторический архив, Москва

Вздор. А впрочем, пусть говорят, что хотят. Я дошел уже до той выработки себя, что единственный суд над моими поступками, имеющий для меня значение, — мой собственный. Я же сам весьма доволен, что удалось никого не замешать и пережить два года тюрьмы, оставшись самим собой. Каторга меня не пугает. С своим спокойным характером я уживусь везде, — я на нее смотрю как на школу, суровую, но могущую быть во многом полезною. Главное, что я смотрю вперед с полным доверием. Делать нечего. Закон силы против нас. Он неуломим и неотразим. Но имеющие баланс в свою пользу доживают свой век, — мы начинаем свой. Они не понимают этого, и потому обстоятельства через десять лет выведут нас на арену. Ссылающие Ч. — вымирают; бросающие цветы — нарождаются¹⁴. Я нянчу в уме отличную мысль: составить евангелие свободы — изложение своих начал в полном объеме, построив все отношения на пяти началах: свобода, знание, труд, любовь, счастье¹⁵. Будь что будет, останемся верны себе и <будем?> любить друг друга. Надеюсь, ты не

шелохнешься ни под каким предлогом. Всем сердечный поклон, несчетно целую. Если у тебя случаются грустные минуты,—веди дневник: великодушное средство. Я пользовался им, только чтоб испытать действительность,—меня это воскрешало. Необходимо прибавить несколько строк, чтоб не смутить тебя. Сравнение с кораблем нисколько не означает колебаний в направлении. В «Андронике» Цавелхос говорит¹⁶:

Как ровно бьется сердце, ты покойно,
Ты праведно. Я бережно хранил
В себе свой идеал, свою святыню,
И сохранил его до сей минуты,
Не сделав ни малейшей уступки
И не подавшись ни на шаг назад!
Да, я могу геройски умереть
И чистым победить!

Я недоволен только тем, что не могу сохранить равномерной бодрости духа, не в состоянии отгонять какого-то неопределенного, тоскливого чувства. Я приписываю это чисто физическим причинам,—потому с нетерпением жду всякого решения, лишь бы высвободиться из тюрьмы. Подумай, два года не слышать здорового слова, не обменяться здоровой мыслью. Самая светлая голова, с которой удалось поговорить в это время,—поп*¹⁷. А я дознал, что разговор—одно из существеннейших условий освежения и обновления мыслей—я думаю, посредством возбуждения слуховых нервов. Кроме того, я часто колеблюсь, как держать себя. Стоять ли упорно кремнем, или, напротив, стараться облегчить свою участь, действуя различными путями на гос<ударя>? Все соображения объяснять долго. Если будет возможность, напишу историю дела. Но как доводы меняются сообразно обстоятельствам, то подобные колебания действуют дурно на состояние духа. Раз положение окончательно обрисовуется решением,—водворится полнейшее спокойствие. По моим соображениям, они твердо убеждены в существовании какого-то заговора, считают, что не обнаружили его следствием и тщательно стараются раскрыть. Сенат от себя посылал одного действительного статского советника по всей России разыскивать следы. Теперь он работает и в Петербурге. Каков он,—можно судить из отзыва мне Кузнецова: «Он отца родного повесит на законном основании». По виду добродушнейший толстяк, он член гербового отделения, малоросс—фамилия Афонасенко.

Память у меня совсем ослабла,—все восстановится на свежем воздухе, хоть и в кандалах. По словам Кузнецова, отправление и поездка Мих. Ил.** прослежена до малейших подробностей и весьма многие компрометированы. Известно, что Н. В.*** писал статьи о Сибири¹⁸.

Может, магазин и уцелеет. Шл.**** продолжается, я было думал, что и он stop. Теперь я покойнее. Скорей бы решение, чтоб выбраться отсюда. Буду тверд. Как бы ни было, важную эпоху мы переживаем. Придется ли нам свидеться или нет, не знаю, но помни мои слова, что конец этого столетия напомним собой конец прошлого¹⁹. Мне кажется, на воле я был бы в состоянии написать много хорошего. Еще раз, береги себя. Будь здоров и по возможности счастлив.

* Полисадов. — Прим. III Отделения.

** Михайлов. — Прим. III Отделения.

*** Шелгунов. — Прим. III Отделения.

**** Шлоссер. — Прим. III Отделения.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ *Сегодня твое рождение! Все, что могу подарить — несколько воздушных строк.* Александр Серно-Соловьевич родился 15 июля 1838 г. Письмо было написано загодя в расчете на то, что в день рождения брата оно будет передано ему в качестве «подарка». Из приведенного во вводной заметке документа видно, что уже 14 июля письмо было перехвачено агентом и доставлено в III Отделение.

² *... в тебе есть все данные быть одним из лучших публицистов...* Болезнь и тяжелая нужда сильно ограничили литературную деятельность Александра Серно-Соловьевича. Но на всех его немногочисленных выступлениях в печати (см. «Наши домашние дела», Веве, 1867; «Миколка-публицист». Женева, 1868 и др.), в том числе и в изданиях I Интернационала, действительно, лежит отблеск яркой публицистической талантливости и остроты. Александр охотно брался за политические статьи и обозрения для газет: «работу эту я вдобавок очень люблю», — писал он М. В. Трубниковой («Звенья», V, 1935, стр. 385).

³ *... рекомендую, как более прибыльную статью — поэзию, особенно переводы...* Я в жизни не сласал двух рифм, — а дошел. — Советуя брату заняться поэтической деятельностью, Серно-Соловьевич рассказывает о своих произведениях, созданных в крепости. Он упоминает в письме лишь драму в стихах «Андроник» и перевод мистерии Байрона «Каин». При этом он допускает возможность, что «обе эти вещи погибли в застенке». Как сложилась судьба этих литературных произведений, покажет следующая справка. «Андроник» и «Каин» и написанные Серно-Соловьевичем позднее драма в стихах «Кто лучше?» и комедия «Из былого» были переданы 29 апреля 1865 г. комендантом крепости Сорокиным управляющему канцелярией III Отделения с указанием просьбы Серно-Соловьевича переслать их в книжный магазин на имя брата Владимира (ЦГИАМ, ф. 109, оп. 1, д. 230, ч. 54, л. 346). Последний рукописи получил, за исключением «Андроника» (о нем нет упоминаний). Это видно из письма Владимира Серно-Соловьевича к Г. Е. Благосветлову от 24 марта 1866 г.: «Многоуважаемый Григорий Евлампиевич! С подателем сего письма посылаю вам, согласно обещанию, два стихотворения брата Николая: „Кто лучше?“ и „Из былого“. Продать их кому и на каких условиях предоставляю вполне вам, как заглагорассудите. О получении их, как и „Каина“, — прошу почтить меня уведомлением» (там же, ф. 95, оп. 2, д. 66, л. 3).

Благосветлов не успел дать никакого назначения полученным рукописям, так как был 11 апреля 1866 г. арестован. Во время обыска при аресте рукописи Серно-Соловьевича были изъяты и вновь вернулись в III Отделение вместе с фотографической карточкой Михайлова, л. 213 «Колокола» и сочинениями Коллонтая, как «бумаги, возбуждающие на означенных лиц подозрение в неблагонадежности» (д. 195, «Производство высочайше учрежденной в С.-Петербурге следственной комиссии. О редакторе журнала „Русское слово“, чиновнике 10 класса Григории Благосветлове», лл. 3—4). Пьесы и перевод Серно-Соловьевича из «Каина» были признаны произведениями, «выражающими недовольство существующим положением общества и либеральные стремления авторов» (там же, л. 28).

После освобождения из крепости Благосветлов обращался в III Отделение с просьбой вернуть отобранные у него рукописи. 13 мая 1868 г. доверенному Благосветлова артельщику Максимову был выдан чемодан с бумагами. Но рукописей Николая Серно-Соловьевича в нем не было. Они оказались в числе «удержанных высочайше учрежденною в С.-Петербурге следственною комиссиею», что выясняется из расписки Максимова (там же, л. 38).

Таким образом, предположение Серно-Соловьевича оказалось правильным: до настоящего времени пьесы и перевод его считались утраченными, навсегда погибшими в «застенке».

Пятиактную драму «Андроник», которую и теперь не удалось разыскать, Серно-Соловьевич называет своим первым произведением. Заглавие драмы и рассказ Серно-Соловьевича о том, что в одной из сцен, которой он более всего дорожил, ему удалось отлично изобразить своих судей, подсказывает нам, что он восполнялся историческим сюжетом из жизни Византии XII века для изображения современной ему политической обстановки в России. Сюжет этот был почерпнут Серно-Соловьевичем из находившейся у него в тюрьме «Истории упадка и разрушения Рима» Эдуарда Гиббона. СПб., 1862. Византийский император Андроник I Комнин (1183—1185) характеризуется в этом источнике так: «Его управление представляло странный контраст добродетелей и пороков. Когда он увлекался своими страстями, он был бичом своего народа, а когда внимал голосу рассудка, был для этого народа отцом. В качестве судьи, он был справедлив и взыскателен; он уничтожил позорную и вредную продажность должностных лиц, и так как он имел достаточно прозорливости, чтоб уметь выбирать людей, и достаточно твердости, чтоб наказывать виновных, то общественные должности замещались при нем самыми достойными кандидатами. Он прекратил бесчеловечный обычай обирать потерпевших кораблекрушения моряков и подвергать их самих рабской зависимости; провинции, так долго бывшие предметом или угнетений или пренебрежения, ожили от благоденствия и достатка, и миллионы людей издали благословляли

его царствование, между тем как свидетели его ежедневных жестокостей осыпали это царствование своими проклятиями» (т. V, стр. 377. Цит. по изд. 1885 г.).

Серно-Соловьевич мог знать и только что переведенную с греческого на русский язык «Историю», написанную современником Андроника Никитой Акоминатом из Хон (см. «Византийские историки, переведенные с греческого, при С.-Петербургской духовной академии». СПб., 1860; в дальнейшем цит. по этому изд.). Никита Акоминат — враг Андроника — не жалеет самых черных красок, рассказывая о жестокости Андроника, о его ярости и кровавых приговорах при обнаружении противных ему убеждений. Период царствования Андроника, известный в истории как период государственных реформ и реакции, и привлек Серно-Соловьевича для проведения аналогии с современной ему обстановкой в России начала 1860-х годов, характеризующейся, с одной стороны, реформаторской деятельностью правительства (реформы земские, судебные, военные и особенно крестьянские), а с другой, все усиливающимися натиском реакции и полицейских репрессий. Цавелхос, о котором говорит в своем письме Серно-Соловьевич, очевидно, один из тех молодых граждан в царстве Андроника, которые «мало-помалу начинали говорить свободнее и склоняться к мятежу» («Никиты Хониата история», т. I, стр. 421). Таких «дерзких крамольников» Андроник казнил. Цавелхос в драме Серно-Соловьевича, готовый геройски умереть, не отступив от своих идеалов, несомненно выражает чувства самого автора, мужественно отстаивавшего свои убеждения на следствии.

⁴ *...переводы вдвоем составляют и легкое и приятное занятие.* — По предположению И. Б. Володарского (сообщенному редакции «Лит. наследства»), это относится к Л. П. Шелгуновой. Она совместно с Николаем и Александром Серно-Соловьевичами участвовала в переводе на русский язык «Всемирной истории» Ф. Шлосера (см. ее письмо к Александру Серно-Соловьевичу, опубликованное М. К. Лемке в книге «Очерки освободительного движения «шестидесятых» годов». СПб., 1908, стр. 98). Н. Серно-Соловьевич был через Владимира Серно-Соловьевича или А. Рихтера, несомненно, осведомлен о том, что Л. П. Шелгунова в это время находилась в Швейцарии, где жил Александр Серно-Соловьевич. Известно, что в это время Л. П. Шелгунова была увлечена им, что также не могло быть тайной для Николая Серно-Соловьевича.

Н. Серно-Соловьевич занимался переводами также и совместно с Павлом Ивановичем Якоби. Павлу Якоби читал он и свои публицистические статьи, прислушиваясь к его мнению («Звенья», стр. 385).

⁵ *Вероятно, до тебя дойдут слухи (как дошли до меня), что я сильно повредил себе рукоприкладством.* — 11 декабря 1863 г. Николай Серно-Соловьевич приступил к чтению всего производства по своему делу. Ему стало ясно, что многое из того, что он раньше скрывал от следствия, скрывать уже стало бесполезно. В этой связи он просил Сенат допустить его к даче дополнительных письменных показаний — «к рукоприкладству». В поданных одно за другим в начале 1864 г. пространных показаниях (имевших форму «всеподданнейших прошений») Серно-Соловьевич вынужден был признать вещи, которые раньше отрицал. Он признал прежде всего, что находился в сношениях с Герценом и Огаревым. По мнению Серно-Соловьевича, признание им ряда фактов, как он убедился, уже установленных следствием, не могло повредить ему и ухудшить его положение.

⁶ О письмах Герцена, Огарева, Бакунина и Кельсиева, «явно доказывающих намерение нарушить общественное спокойствие», явившихся непосредственным поводом для ареста Чернышевского и Николая Серно-Соловьевича, говорится в докладе генерал-майора Потапова князю Голицыну от 9 июля 1862 г. в связи с арестом Ветошников («Процесс Н. Г. Чернышевского. Архивные документы». Саратов, 1939, стр. 42—43).

⁷ *Сенату велено было определить, кого выпустить из крепости, кого оставить — меня оставили.* — Это определение Сената было сделано на заседании 4 марта 1863 г. Многие обвиняемые по «процессу 32-х были или отпущены на свободу или отданы на поруки» (М. К. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых» годов. СПб., 1908, стр. 174).

⁸ *Вам нельзя рисковать собой; ваша гибель будет иметь страшно вредные последствия для общего дела.* — Серно-Соловьевич цитирует (не совсем точно) слова из обращения к нему конспиративного письма В. И. Кельсиева от 7 июля 1862 г. (М. К. Лемке. Указ. соч., стр. 37).

⁹ *Судья — Пинский, делопроизводитель — Кузнецов.* — Серно-Соловьевич не упоминает в своем письме обер-секретаря Сабурова, бывшего лицеиста, который был, по-видимому, отстранен от ведения дела: за ним было замечено, что он исполняет свои обязанности «с преднамеренною целью оправдываться насколько можно и ставить себя в положение человека, которого правительство притесняет без положительных данных к обвинению единственно в силу своей власти — одним словом, представить из себя мученика» (см. «Агентурные донесения о политической неблагонадежности обер-секретаря Сената Сабурова, занимавшегося производством

дел Чернышевского и Серно-Соловьевича. 9 июля 1864 г.» — ЦГИАМ, ф. 109, оп. 1, д. 251, л. 1).

¹⁰ После словесного показания я считал, что дело у меня вот (сжав кулак) — а теперь мы в прежней неизвестности. — Таким образом Пинский считал, что своим «рукоприкладством», то есть дополнительными письменными показаниями или прошениями от 12 и 26 января и 5 марта 1864 г., Серно-Соловьевич перечеркнул свои словесные показания, о которых он просил 18 декабря 1863 г. (М. К. Лемке. Указ. соч., стр. 183—184).

¹¹ Я требовал, чтоб ко мне применили указ, обещающий снисхождение признавшимся ..., доказывая, что подхожу не под букву, а под дух... — Это требование содержалось во втором прошении Серно-Соловьевича от 26 января 1864 г. (М. К. Лемке. Указ. соч., стр. 212—213; об «указе», стр. 183).

«ПОСЛЕДНЯЯ ТАЧКА»

Картина маслом польского художника А. Сохачевского, 1863—1882 гг.

Исторический музей, Варшава

¹² ...прямо и косвенно свалить все на Сашу. — Примечание чиновника III Отделения или агента, перехватившего письмо, что эти строки относятся к Александру Серно-Соловьевичу (адресату письма) — неверно. Речь тут идет об Александре Александровиче Черкесове. Он был товарищем Александра Серно-Соловьевича по Лицею и одним из его и Николая Серно-Соловьевича ближайших друзей. Участник революционно-демократического движения шестидесятых годов, Черкесов в 1862 г. уехал за границу и жил в Женеве. Вернулся в Россию в 1865 г.

¹³ Какие результаты дало знаменитое тверское рукоприкладство? Осуждение. — Речь идет о «рукоприкладстве» группы тверских мировых посредников летом 1862 г. Они были привлечены к ответственности в связи с своим заявлением о том, что они в своей деятельности будут руководствоваться не законом, а постановлением тверского дворянского собрания, признавшего реформу 1861 г. неудовлетворительной (ЦГИАМ, ОППС, ф. 112, оп. 1, д. 4 и 5: «О разных лицах, принадлежащих к составу мировых учреждений Тверской губернии, преданных суду за подписание противозаконного заявления», т. I. Прошения тверских дворян; о допущении их к «рукоприкладству» (10 июня 1862 г.); т. II, л. 384 названного «дела»; о решении дела — «освобождены по случаю тезоименитства императрицы, сохранив за тем силу приговора в остальной части...» — т. II, л. 882).

¹⁴ Ссылающие Ч. — вымирают; бросающие цветы — нарождаются. — Эти слова — характеризующие представления Николая Серно-Соловьевича о закономерности исторического процесса — связаны с Чернышевским. Речь идет о цветах, брошенных М. П. Михаэлис (свояченица Н. В. Шелгунова) на помост во время обряда гражданской казни Чернышевского, 19 мая 1864 г.

Таким образом, следует признать, что Николай Серно-Соловьевич и в строжайшей, казалось бы, изоляции Алексеевского рavelина располагал информацией о некоторых важнейших событиях текущей политической жизни.

¹⁵ *Я никак в уме отличную мысль: составить евангелие свободы...* — Этой мысли не суждено было осуществиться.

¹⁶ *Цавелхос говорит...* — О Цавелхосе см. выше, прим. 3.

¹⁷ *Самая светлая голова, с которой удалось поговорить в это время,* — поп. — Речь идет о тюремном священнике, протоиерее Полисадове. Как видно из материалов III Отделения, исполнение своих обязанностей священнослужителя Полисадов не стеснялся совмещать с деятельностью секретного агента политической полиции (ЦГИАМ, ф. 109, оп. 3, ед. хр. 3238, № 528).

¹⁸ *По моим соображениям они твердо убеждены в существовании какого-то заговора...* — писал статьи о Сибири. — Правительство, действительно, было напугано. Как известно, по распоряжению царя в 1862 г. была организована под председательством кн. Голицына специальная комиссия для расследования «причины смуты». Афонасенко, о котором упоминает Серно-Соловьевич, принимал непосредственное участие и в расследовании «дела о послаблениях» М. Л. Михайлову, как депутат со стороны Министерства юстиции и внутренних дел (ЦГИАМ, ф. 109, д. 274, л. 299), выезжая специально в Тобольск. Заключение часть письма вновь свидетельствует, что Серно-Соловьевич был в курсе почти всех событий революционной борьбы.

Отправление и поездка Михайлова была действительно «прослежена до малейших подробностей». Служащие и начальствующие лица Тобольска (председатель губернского правления Соколов, губернский прокурор Жемчужников, управляющий комиссариатской комиссией Ждан-Пушкин и др.), оказывавшие особенное сочувствие Михайлову, были преданы суду. «*Весьма многие компрометированы*» — в среде чиновников III Отделения считалось, что поводом к сочувствию Михайлову послужил «слух, разнесшийся по прибытии его в Тобольск, о том, что г. начальник губернии получил письмо от с.-петербургского генерал-губернатора князя Суворова о принятии участия в положении Михайлова» (д. 274, л. 175, 21 май 1862 г.). Слух этот подтверждается также неизвестным письмом Л. П. Шелгуновой к М. В. Авдееву, рассказывающей о большой помощи князя Суворова в облегчении участи Михайлова (там же, ОППС, ф. 112; оп. 1, д. 40а). Михайлов во время пребывания в Тобольске не был закован, в остроге его посещала студенческая молодежь, женщины приносили в тюрьму цветы, начальствующие лица увозили его к себе домой к обеду (см. «Записки» М. Л. Михайлова).

В марте 1863 г. «по повелению императора» было вновь начато «строжайшее дознание» по делам о побеге за границу М. А. Бакунина и о послаблениях Михайлову в Восточной Сибири (ЦГИАМ, ф. 109, д. 274 и дело: «О бегстве политического преступника Михаила Бакунина из Николаевска за границу, тут же переписка о переводе из Зерентуйского рудника на Козаковский промысел преступника Михайлова. Нач. 10 ноября 1862 — конч. 24 марта 1864» — ЦГИАМ, ф. 95, оп. 1, д. 69). Военному суду были преданы полковник Дейхман и брат Михайлова — П. Л. Михайлов, горный инженер, начальник Козаковского прииска. В донесении о перехваченных письмах Серно-Соловьевича и П. Л. Михайлова на имя Л. П. Шелгуновой (см. во вводной заметке) указывается, что П. Л. Михайлов — «ныне предан военному суду». Статьи Н. В. Шелгунова о Сибири, писавшиеся им во время поездки к Михайлову, печатались в «Русском слове».

¹⁹ *...конец этого столетия напомнит собой конец прошлого* — то есть напомнит грозные события французской революции 1789—1794 гг.